

Лингвосемиотика нейтрализации социальных фобий

© доктор филологических наук Т.Н. Астафурова,
доктор филологических наук А.В. Олянич, 2010

Лингвосемиотическая нейтрализация социальных фобий предполагает снятие социальной напряженности в отношении представителей других этносов, национальных меньшинств, классов, социальных групп и т. д. («чужие») за счет шуточного, пренебрежительного, уничижительного представления их физиологических, психологических и лингвосоциальных характеристик в отличие от представителей титульной группы («свои»). Это ведет к формированию этностереотипов, определяемых как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или собственный этнос» [Крысин 2003: 458].

В русскоязычном этносе прочно укоренились стереотипы, наделяющие представителей иной национальности негативными качествами на основе универсальной когнитивной установки интолерантности в их отношении. Их формирование давно и внимательно изучается многочисленными исследователями. Так, язык этнического конфликта, содержащий оскорбительные слова, этнические ярлыки, прозвища различных этнических групп, большинство из которых являются уничижительными, исследовался И.Л. Алленом (I.L. Allen) в его трудах «The Language of Ethnic Conflict» (1983) и «Unkind Words: Ethnic Labeling from Redskin to WASP» (1990).

Существенный вклад в исследование языковой экспликации этнического конфликта сделан Ю.А. Сорокиным: ученым выявлены вербальные и невербальные знаки этнического интолерантного коммуникативного поведения [Сорокин 1987], описаны структурно-семантические параметры лингвокультурных матриц этнического конфликта [Сорокин 1994], изучены речевые маркеры конфликтогенного поведения в институциональной сфере разных этносов [Сорокин 1995].

Параллельно с исследованием этностереотипов, базирующихся на оскорблении и уничижении, формируется направление, провозглашающее терпимое, толерантное отношение к другим этносам, классам, группам. Термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* 'терпение, терпимость') приобрел в разных областях науки специфическое содержание: в институциональной парадигме толерантность понимается как готовность власти допускать инакомыслие в социуме, принимать политический плюрализм как проявления свобод и демократии [Асмолов, Солдатова, Шайгерова 2003]. В этической парадигме толерантность рассмат-

ривается как норма цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и готовность к обоюдной терпимости.

Философское представление о толерантности носит категориальный характер, отражающий активное отношение к «другому», «чужому». Представляет особый интерес рассмотрение многоуровневой типологии толерантности как «безразличия», «невозможности взаимопонимания», «снихождения», «расширения собственного опыта» и «критического диалога». Первый уровень толерантности предполагает безразличие к чужим взглядам и другим практикам, поскольку они нерелевантны для социума и его членов. Второй уровень толерантности коррелирует с уважением к другому, понять которого в ряде случаев невозможно и с которым, вследствие этого, невозможно коммуницировать. Третий уровень толерантности проявляется в снисходительном отношении к слабости других. Последние уровни толерантности выражаются в принятии чужой позиции и возможности изменить собственную в результате критического диалога [Лекторский 1997].

В современной лингвистической парадигме толерантность предстает как многослойное явление, репрезентированное разноуровневыми средствами языка, речи, текста, бытового и идеологического дискурса: толерантность как вектор антиномического бытия языка, толерантность в словообразовании, толерантность как принцип культуры речи, ритуалы вежливости, единица лингвокультурного пространства [Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности 2003].

Объектами исследования толерантности выступают различия, репрезентированные на ментальном уровне дихотомией «свой – чужой/другой» и диадой «мы – они». Толерантность предполагает признание права «других» быть непохожими на тебя и уважение этого права [Заболотная, Шило 2003]. Л.В. Енина выделяет особый вид толерантности – речевой, представляющий собой внутренние поведенческие установки в дискурсе [Енина 2003].

Феноменом, противопоставленным толерантности, является коммуникативная категория конфликтности, или *интолерантности* [Крысин 2003], выражающаяся в неприятии инакомыслия, этноцентризме, ксенофобии, дискриминации и других проявлениях нетерпимости и агрессии в поведении или дискурсе. Коммуникативная категория интолерантности антропоцентрична, поскольку ее денотатом является *Homo sapiens*. Она представляет собой единицу коммуникативного сознания этноса. Ее структурно-когнитивными элементами являются конфликтность, категоричность, импозитивность (навязывание своего мнения). Конфликтность реализуется в императивных максимах:

- дискриминационная тематика общения (расовая, этническая классовая, групповая, институциональная, профессиональная, гендерная, религиозная, возрастная, экстерьерная и т. д.);
- проблемность бытового межличностного общения (нарушение норм совместного проживания, воспитания, отношений в семье, девиантное поведение членов аут-группы и т. д.);
- открытое противостояние представителей аут-группы;
- высокая степень агрессивности в дискуссии за счет резкой социальной оценки события;
- чрезмерная эмоциональность и категоричность выражения несогласия;
- навязывание точек зрения и образа жизни представителям миноритарной группы;
- психологическое унижение миноритарной группы при социальном и коммуникативном доминировании мажоритарной группы;
- уход от личного близкого контакта с собеседником.

В социальной среде, которая отличается этнической, социальной и языковой неоднородностью, поводом для коммуникативной интолерантности могут послужить неграмотная речь, неправильное словопотребление, ошибки в построении синтаксических конструкций, специфический акцент, несовпадение пресуппозиций и фоновых знаний представителей этнического меньшинства. И хотя подобные языковые конфликты являются, скорее, поверхностным отображением более глубоких конфликтов – расовых, этнических, социальных, фактор несовпадения речевого кода и фоновых знаний имеет существенное значение для ин/толерантного поведения участников коммуникативной интеракции.

Однако и владеющие одним общим языковым кодом собеседники могут иметь разные фоновые знания, обусловленные неязыковыми причинами: возрастом, уровнем образования, принадлежностью к разным социальным общностям, религиозным конфессиям, партийным организациям и т. п. Разные социальные общности / группы имеют собственные системы ценностей, иногда значительно отличающиеся друг от друга, но чем больше сходство фоновых знаний и апперцепционной базы у разных носителей языка, тем полнее понимание ими друг друга и тем менее вероятна интолерантность, речевая агрессия в их дискурсопорождении.

Маркерами интолерантности зачастую выступают знаки алиенации (предубеждения), рефлектирующие негативное стереотипическое восприятие доминантной ин-группой представителей маргинальной аут-

группы. Г. Олпорт ввел понятие шкалы лингвокультурной интолерантности, включающей три этапа:

– антилокуция (*antilocution*), понимаемая как безобидное подшучивание над представителями аут-группы (слабая дискурсивная агрессия);

– избегание (*avoidance*) представителей аут-группы, имплицитно оскорбляющее её представителей (средняя дискурсивная агрессия);

– дискриминация (*discrimination*) аут-группы как эксплицитно выраженный отказ в социальных правах, навязывание негативных стереотипов (сильная дискурсивная агрессия) [Allport 1955].

Опираясь на идеи Г. Олпорта, авторы данной статьи разработали лингвосомиотическую классификацию маркеров интолерантности в зависимости от степени алиенации членов социума [Астафурова, Олянич 2008]. Как показало проведенное исследование, нейтрализация знаков-алиенаторов осуществляется в смеховых (карнавальных) жанрах интолерантного дискурса, а именно: в речевых жанрах безобидной насмешки (*harmless joke*) и уничижительного анекдота (*abusive anecdote*).

1. Жанр безобидной насмешки в русскоязычном интолерантном дискурсе представлен широким спектром тем, в котором наиболее частотными являются насмешки этнического, социально-классового, гендерного и профессионального характера. Например, дагестанцы – жители Юга России, пренебрежительно именуемые *дагами*, часто выступают в качестве объектов таких насмешек, поскольку вызывают опасение у большей части социума вследствие, согласно стереотипу, их малой образованности, недалекости, ограниченности кругозора, плохого воспитания, коммуникативной ригидности, высокого самомнения, лености, неопрятности, скупости, отсутствия вкуса, привычки слоняться без дела, повышенной раздражительности, вспыльчивости, конфликтности, пренебрежительного отношения к собственности, склонность к дурным привычкам и т. д.

Не менее красочно в таких шутках представлены низкий образовательный ценз, особенности коммуникативного поведения социальные пристрастия, привычки чукчей – жителей Дальнего Севера России как представителей другого этноса, неодобряемые россиянами (*Что-то меня Гондурас беспокоит... А ты его не чеши...*).

Наиболее остро социальная конкуренция представлена в *гендерно ориентированных насмешках*, авторами которых оказываются мужчины, а основным объектом – женщины, что свидетельствует о боязни мужчин потерять доминирующие социальные, профессиональные, институциональные и прочие позиции из-за неуклонного выдвижения женщин на ключевые социальные роли (главы государств, прави-

тельств, министерств, корпораций, учреждений науки и т. п.). Женщина предстает как глупое, алчное, расточительное, сексуально озабоченное и непредсказуемое существо – объект насмешек мужчин.

Примеры гендерных шуток:

Настоящий мужчина всегда говорит женщине три слова – люблю, куплю, поехали!!!

Королевы никогда не расстраиваются. Когда им грустно, они просто кого-нибудь казнят...

– Я не блондинка, у меня просто склад ума такой!

– Склад-то твой, похоже, грабнули!..

Можно, конечно, всю жизнь горбатиться: убирать, стирать, готовить. А можно, оказывается, тупо пол сменить и пить себе пиво у телевизора.

Дневники ведут только приличные девушки, у неприличных на это просто нет времени

Она: Мне тебя не хватает.

Он: Давай определимся. Тебе меня не хватает для полного счастья или для полного счета.

– Мама, Лева мне вчера сказал, что я самая интеллигентная девушка в Одессе. Может, стоит пригласить его домой?

– Ни в коем случае, дуреха! Пусть он продолжает так думать.

В жанре насмешки вербализуются опасения мужчин по поводу того, что женщины все активнее занимают интеллектуальные сферы деятельности, тем самым подрывая интеллектуальный авторитет мужчин. Попытка принизить феминные интеллектуальные способности проявляется в стремлении мужской части социума осмеять женщину, использующую техническое и программное компьютерное обеспечение:

– Как узнать работала ли женщина на компьютере?

– Если монитор покрашен корректором, есть помада на джойстике и оставлен сыр у мыши.

– Как называется, когда блондинка красится под брюнетку?

– Искусственный интеллект.

В нашем материале частотными оказались профессионально ориентированные насмешки (шутки про милицию, военных, священников). В текстах данного речевого жанра наиболее ярко вербализованы опасения социума по поводу отсутствия компетентности, должного образования, смекалки, необходимой для исполнения профессиональных обязанностей.

Примеры профессиональных шуток:

Оборонительная тактика русских:

- 1. Заинтригуй врага.*
- 2. Замани его на свою территорию.*
- 3. Дождись наступления зимы.*

Венчается раб божий Василий и страх божий Наталья.....

Вопросы и ответы

Вопрос: Почему Ной не ходил на рыбалку?

Ответ: У него всего была пара червей!

Вопрос: Почему Бог создал мужчину раньше женщины?

Ответ: Потому что не хотел выслушивать советы.

2. Жанр уничижительного анекдота в русскоязычном интолерантном дискурсе преимущественно представлен текстами, в которых этнические фобии являются базовой характеристикой межкультурной интеракции.

Так, сожаления русскоязычного этноса по поводу более конкурентно способного «чужого» социума в глобальном экономическом пространстве отражены в следующих анекдотах:

Встречаются на автосалоне представители ВАЗ и концерна Хонда.

ВАЗовцы спрашивают:

– Как вы проверяете салоны своих машин на герметичность?

Представители Хонды отвечают:

– Все очень просто. Закрываем окна и двери и помещаем на ночь в салон кошку. Если она к утру задохнулась – салон герметичен.

ВАЗовцы решили проверить этот передовой метод. Сажают в салон Жигулей кошку, закрывают окна и двери. Наутро приходят, а кошка убежала.

В новую БМВ на светофоре влетает запорожец. Надпись на экране бортового компьютера БМВ: «Обнаружено новое устройство. Установить для него программное обеспечение?».

После длительных переговоров Украина и Германия решили наладить выпуск совместного автомобиля. Чудо-детские будет производиться силами компаний "Мерседес-Бенц" и Запорожского автомобильного завода. Уже созданы два бренда для автомобилей, это "Мерсеро-жец" и "Запердец".

Опасения по поводу утраты лингвокультурного господства, лингвоэтнической идентичности, языковых норм русского языка, повлекшие за собой упрощение его орфоэпической, грамматической, синтаксической и лексико-семантической систем, вербализованы в анекдотах о фонетических и грамматических искажениях русского языка представи-

телями других этносов (например, кавказцами – грузинами, лезгинами, аварцами и др.):

*Аварец идет по перрону плачет и кричит: "Уцла!!! Уцла!!!"
Прохожий интересуется: "Кто ушла?"
Аварец: "Поезд уцла!"
Прохожий: "Не ушла, а ушел"
Аварец: "Ле! Будешь ты у меня тут еще географии учить!"*

Почему лезгины открывают молоко прямо в магазине? Потому что там написано открывать здесь.

*Кавказская свадьба. Подвыпивший гость говорит соседу:
– Какой красивый хороший свадьба, но какой некрасивый невеста!
– Я тэбэ зарэжу! Это моя доч!
– Вах, извини уважаемый, я ведь нэ знал, что ты отэц этот красавица!
– Ну все. Тэбэ конэц! Я ее мат!*

Фобии, связанные с пониманием отставания России от передовых государств мира в сфере социального обеспечения населения, качества производимой продукции, появились как следствие тяжелой экономической ситуации 90-х годов XX века, когда ощущался дефицит основных товаров потребления:

Идут по улице араб, северный кореец и русский. К ним подходит телереporter и спрашивает: «Извините, каково ваше мнение по поводу дефицита мяса?» Араб: «Что такое дефицит?»; русский: «Что такое мясо?»; северный кореец: «Что значит слово мнение?».

Англичанин, француз и русский рассматривают картину «Адам и Ева в раю». «Посмотрите, как они сдержанны и спокойны, наверное, они англичане», – говорит англичанин. «Ерунда, они французы, потому что обнажены и прекрасны», – отвечает француз. «Нет, они русские, – возражает русский. – У них нет одежды, крыши над головой и только одно яблоко на двоих».

Фобии, вызываемые осознанием разноуровневости социально-экономического развития, разной индексации этнических ценностей, порождают анекдоты об отсутствии эквивалентности в восприятии одних и тех же явлений действительности представителями разных этносов. В анекдотах поддерживается стереотипно-негативное представление о чужих этносах как менее развитых интеллектуально и культурных:

Чукча-бизнесмен впервые посещает Москву и приглашен на обед в мэрию. Он не привык к русским соленьям (маринованные огурцы, грибы, селедка и т. п.), поэтому он постоянно посылает своего помощника за

стаканом воды. На третий раз тот приходит без воды и на удивленный вопрос чукчи отвечает: «Однако, на колодце мужчина сидит».

Настороженное отношение русских к наиболее агрессивным представителям чеченской диаспоры, боязнь повторения трагедий, связанных с гибелью тысяч россиян в результате террористических актов, порождают анекдоты о сложных условиях выживания при неприязненном отношении друг к другу:

Захватили террористы-чеченцы самолёт. Один террорист ходит по салону и спрашивает у пассажиров имена. Подходит к девушке и спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Фатима, – отвечает она

Чеченец расчувствовался и говорит: Мою покойную мать звали Фатима. Ты будешь освобождена, как только мы прилетим в аэропорт!

Подходит к молодому человеку, сидевшему рядом, спрашивает имя, а тот отвечает: Меня зовут Иван, но друзья Фатимой называют!

– Где твой сын, Абдурахман?

– В Москву улетел.

– Одного отпустил?

– Одного.

– Не боишься?

– А чего бояться? За ним, говорят, вся московская милиция присматривает. Днем и ночью глаз с него не сводят.

Иронично-снисходительное отношение к представителям сельской прослойки российского социума вызывается опасением, что их энергичность и напористость в преодолении социальных барьеров способны создать конкуренцию для городского – более образованного, интеллектуального – населения России. Поэтому в анекдотах преднамеренно формируется образ недалекого, малограмотного, но уверенного в себе «деревенщины», который ложно интерпретирует и высокомерно оценивает неизвестные ему явления городской жизни:

Выбился мужик в люди. Приезжает в родную деревню... Обступают его селяне... Щупают костюм... Ткань крутая, фасон крутой...

– Где костюмчик-то справил?

– Да... в Париже...

– А далеко ентот Париж-то?

– Да тыщи две верст будет...

– Надо же, такая глухомань, а так шьют хорошо...

Мужик из деревни прокатился в Москву и по приезду собрал своих деревенских делиться впечатлениями. Ну, в общем, про то, да про се, и под конец рассказал о том, что посетил "Сексшоп".

– Так интересно! Там бабы резиновые продаются!
А одна из самых языкастых деревенских теток спрашивает:
– А мужики там резиновые есть?
Мужик ей так серьезно отвечает:
– Не, мужиков резиновых там не было. Может, не завезли? Зато запчастей к ним – до хрена!

Наименее частотными в нашем материале оказались анекдоты из религиозной сферы, рефлектирующие страх и недоверие по отношению к представителям другой – не титульной – конфессии, причем в основе этого недоверия лежат наиболее распространенные пороки, приписываемые священникам чужой веры (мздоимство, прелюбодейство, обман и т. д.), что заставляет усомниться в истинности их вероучения и преданности церкви:

Идут священник и милиционер, видят – дерутся двое. Милиционер хотел разнять, поп его удержал:

– Ещѐ не время, сын мой, подожди.
Те двое уже убивают друг друга, поп всё удерживает милиционера.
Наконец один из драчунов падает замертво.

Священник – милиционеру:
– Теперь пора, сын мой. Идѐм. Один твой, другой мой!

Сельский поп молится богу: *Боже, почему всё так несправедливо? Я, Твой слуга, воздаю Тебе молитвы денно и ночью и живу в бедности, а эти грешники и безбожники понастроили тут дома и гаражи и вообще купаются в роскоши! Почему, о Боже?*

Голос с неба: *Потому что они меня не достают своими молитвами.*

– Батюшка, алкоголь – враг здоровью?
– Враг.
– А почему вы его потребляете?
– А как сказано в Писании: "Возлюби врага своего".

Таким образом, предубеждения как прототипические концепты этнического, классового, гендерного, профессионального неравенства вербализуются в интолерантном дискурсе. Семиозис предубеждения складывается из системы *знаков-алиенаторов*, выполняющих роль негативных ярлыков и прозвищ, маркирующих стереотипические представления доминантной ин-группы о маргинальной аут-группе. Знаки-алиенаторы не однородны по своему составу и могут быть классифицированы в соответствии с градуальной шкалой интенсивности языковой агрессии: знаки-денигративы (*antilocution signs*), знаки-сепаративы (*avoidance signs*) и знаки-дискриминативы (*discrimination signs*), которые соответственно актуализируют низкую, среднюю и высокую степени коммуникативной агрессии. Нейтрализация языковой агрессии осу-

ществляется в смеховых (карнавальных) жанрах интолерантного дискурса, а именно в речевых жанрах безобидной насмешки (*harmless joke*) и уничижительного анекдота (*abusive anecdote*).

Наиболее остро социальная конкуренция представлена в гендерно ориентированных насмешках, авторами которых оказываются мужчины, а основным объектом – женщины, что свидетельствует о боязни мужчин потерять доминирующие социальные, профессиональные, институциональные и прочие позиции из-за неуклонного выдвигания женщин на ключевые социальные роли (главы государств, правительства, министерств, корпораций, учреждений науки и т. п.)

Частотными оказались профессионально ориентированные насмешки (шутки про милиционеров и военных). Среди отмеченных нами текстов данного речевого жанра наиболее частотно представлены такие, в которых ярко вербализованы опасения социума по поводу отсутствия компетентности, должного образования, смекалки, необходимых для исполнения профессиональных обязанностей.

Дискурсивная модель нейтрализации социальных фобий, порождающих предубеждения (*bias*), базируется на этносоциальных и/или индивидуальных пресуппозициях рационального характера. Их вариативность определяется индексами опасности (*danger*) / безопасности (*security*), приписываемыми представителями ин-группы членам аут-группы в рамках интолерантного дискурса. Алиенация представителей аут-группы нейтрализуется средствами интолерантного дискурса разной степени коммуникативной агрессии.

Л и т е р а т у р а

1. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник / гл. ред. А. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 8–18.
2. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Ноосфера иноязычных предубеждений [Текст] / Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич // Культура народов Причерноморья. – Научный журнал НАН Украины, Национального Таврического университета им. В.И. Вернадского. – № 137 Т. 1. Симферополь, 2008. – С. 7–10
3. Енина Л.В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // www.inguk.ru/biblio/multi/2_enina.html
4. Заболотная Г.М., Шило И.Н. Толерантность и доверие – социальные ориентиры современного общества // Вестник ТГУ. – 2003. – № 1. – С. 102–105.
5. Крысин Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – С. 458–463
6. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54
7. Сорокин Ю.А. Вербальное и невербальное поведение с этнопсихологической точки зрения // Языки и культура. – М., 1987. – С. 84–110.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – 156 с. ISBN 978-5-317-03524-2

8. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.
9. *Сорокин Ю.А.* Речевые маркеры этнических институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других) // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
10. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. – 560 с.
11. *Allen I.L.* Unkind Words: Ethnic Labelling: from Redskin to WASP. – NY-Westport-London, 1990. – 115 p.
12. *Allen I.L.* The Language of Ethnic Conflict. – Columbia University Press, 1983. – 80 p.
13. *Allport G.Y.* The Nature of Prejudice, Cambridge, 1955.